ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА РУССКОГО НАРОДА

© 1994 г., ЭО, № 1

Н. С. Полищук

ОБЫЧАИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ (конец XIX — начало XX в.)

Рассматриваемый в статье круг явлений общественного быта русских фактически оказался вне сферы внимания отечественных этнографов, долгое время ориентировавшихся преимущественно на изучение крестьянства. Литература по данной теме исчерпывается четырьмя публикациями. Три из них принадлежат уральским фольклористам В. П. Кругляшовой и В. В. Блажесу — собирателям и исследователям рабочего фольклора Урала. В одной публикации рассматриваются трудовые обряды чусовских сплавщиков («дарение реки») и салдинских углежогов («ловить соболя»)[1], в другой — обычай публичного осмеяния заводской администрации («обувание в лапти» и «вывоз на тачке»)[2], в третьей — он же, а также обычай шутить над новичками как форма реализации воспитательной функции рабочего коллектива и традиции народного озорничества в стихийном протесте и в революционной работе заводской молодежи[3]. Четвертая публикация — текст доклада, прочитанного мной в ноябре 1980 г. в ГДР на коллоквиуме «Культура и образ жизни промышленного и аграрного пролетариата со времени его возникновения до конца XIX в.»[4], в котором значительное внимание уделено «производственным» обычаям текстильщиков Центрального промышленного района. Однако в силу специфики жанра (доклад) многие положения там даны тезисно и нуждаются как в развитии, так и в обогащении фактическим материалом.

Мне кажется, одна из основных причин, тормозящих исследование обычаев и нравов русских рабочих,— отсутствие необходимой источниковой базы. В значительной мере это объясняется тем, что предметом этнографического изучения рабочий класс России стал лишь во второй половине нашего столетия, когда многие стороны его дооктябрьского общественного и производственного быта были уже забыты. Поэтому полевые исследования по данной проблеме с каждым годом становятся все менее эффективными. Записываемые и теперь фольклористами устные предания рабочих, в которых нашел отражение и их общественный быт, подчас требуют серьезной корректировки, поскольку чем дальше по времени отстоят описываемые события от момента рассказа, тем больше в них вымысла. К тому же в памяти последующих поколений нередко удерживается лишь общая схема того или иного явления — свидетельство о его существовании в прошлом, не «обремененное» ни точной хронологической привязкой, ни бытовыми реалиями, столь важными для этнографа. В силу сказанного изучение общественного быта русских рабочих требует обращения к широкому кругу самых различных источников, в том числе и косвенных.

Фактографическими сведениями наиболее богаты мемуарные источники 1920—1950-х годов. Это прежде всего содержащие разнообразный бытовой

материал сборники серии «История заводов и фабрик», издававшиеся в 1930-е годы, и архив этого издания, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР); автобиографии и воспоминания рабочих; записи фольклорных и историко-бытовых экспедиций 1920—1950-х годов. Однако самым достоверным, хотя и не столь богатым источником, на мой взгляд, являются периодические издания конца XIX — начала XX в., в первую очередь партийная и профсоюзная пресса и местные, губернские и городские, газеты, в хроникальных разделах которых («Вести из губернии», «Городская хроника», «Из жизни рабочих», «Нам пишут», «На фабриках и заводах» и пр.) регулярно появлялись материалы, касающиеся различных сторон жизни рабочих. Особую ценность извлеченной из газет информации * придает ее «сиюминутность», которая помогает уточнить, а в ряде случаев и обогатить новыми деталями сведения, содержащиеся в мемуарах и полевых сборах послеоктябрьского периода. В первую очередь это касается хронологии бытования и степени распространенности тех или иных обычаев, а также отношения к ним как самих рабочих, так и окружающего населения.

* * *

Судя по сведениям, которые мне удалось собрать, «производственные» обычаи, сложившиеся в среде фабрично-заводских рабочих Европейской России к началу XX в., как правило, были связаны либо с этапными, поворотными, моментами фабричного календаря (условно, по аналогии с крестьянскими, их можно назвать календарными), либо с первой получкой (так называемые *спрыски* или *могарычи*), либо с выражением общественного порицания (вывод за ворота, вывоз/вынос «мусора»).

Насколько мне известно, только у ткачей сложились свои календарные обычаи — *замочка машин* и *засидки* — что, видимо, связано как с особым режимом работы ткацких фабрик, так и с характером формирования этого отряда русских рабочих, в течение многих десятилетий не порывавших тесные связи с деревней, а часто и сочетавших труд на фабрике с ведением крестьянского хозяйства, для которого была характерна строгая цикличность работ.

Замочка, или *заправка машин* (реже — *заправка, легкий ход*), была приурочена к Фомину понедельнику (первый понедельник после пасхальной недели), т. е. к началу летнего сезона работы. Следует напомнить, что вплоть до 1917 г. на большинстве ткацких фабрик практиковался полный расчет и новый наем рабочих дважды в год — весной (на Пасху) и осенью (на Покров) с сезонной оплатой труда, более высокой летом. Такой распорядок сложился еще в те времена, когда большинство фабричных составляли отходники, возвращавшиеся на период полевой страды домой. С конца XIX в. этот традиционный для текстильной промышленности России режим работы стал использоваться фабрикантами для «чистки» рядов рабочих — тем, кто попадал в «черные списки», после очередного сезонного увольнения отказывали в новом найме.

День заправки машин, по словам корреспондента газеты «Кинешемец», резко отличался как от праздников, так и от будней [5]. Начинался он торжественным молебном (иногда ему предшествовал крестный ход из ближайшей церкви), во время которого священник кропил святой водой все машины и рабочих (может, отсюда и название — *замочка*?). Затем на несколько минут, иногда на час-два, машины пускали на «холостой ход» и все присутствовавшие поздравляли хозяина с *легким ходом* (не этот ли обычай послужил основанием для соответствующего названия данного дня?). Убедившись, что машины

* Мною просмотрены газеты свыше 80 названий, издававшиеся во Владимире, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Костроме, Москве, Рыбинске, Твери и Ярославле. Подавляющее большинство их относится к началу XX в.

исправны (во время пасхального перерыва, начинавшегося за неделю до Пасхи, на фабриках проводился профилактический осмотр и ремонт техники), ткачи, подготовив к работе станки — *заправив нитки* (возможно, здесь исток еще одного названия — *заправка*?), работали около получаса, а затем покидали фабричные корпуса [6]. К концу первого десятилетия XX в. на некоторых фабриках от замочки машин остался лишь «молебен с водоосвящением в помещении фабрики» с последующим окроплением всех машин святой водой и пуском их на несколько минут [7].

На большинстве фабрик в день заправки машин ткачам выдавали «на угощение» по 10 коп. каждому или по несколько рублей «на артель», «на партию» *. Как правило, этих денег не хватало и рабочие добавляли свои. Купив спиртное [8] и закуску, фабричные (мужчины и женщины вместе) устраивали в казармах, в собственных домах и на частных квартирах коллективные гуляния с угощением, песнями, плясками.

По всей вероятности, с замочкой машин генетически связаны и гулянья, устраивавшиеся в Фомин понедельник на фабриках Вичугского (Костромская губ.) и Иваново-Вознесенского (Владимирская губ.) промышленных районов. В первом случае в этот день «по обычаю» на партию рабочих «для поощрения в виде безвозвратного пособия» давали по несколько рублей [9]. Во втором — поощряли не только рабочих, но и служащих. После молебна, начинавшегося, «как только работы пойдут полным ходом», рабочие получали деньги на водку, служащие — приглашение на обед. В итоге к вечеру в Иваново-Вознесенске, сообщала газета «Старый владимирец», «можно наблюдать много веселых и даже „еле можаху“ „котелков“ и засаленных „кепи“» [10].

Возможно, обычай замочки машин, приуроченный к первому рабочему дню нового фабричного сезона, для которого был характерен дефицит рабочих рук, возник по инициативе хозяев. Стремясь заполучить нужное количество ткачей, они старались превратить начало летнего сезона в праздник — с официальной (молебен, освящение, проба станков, поздравление хозяина) и развлекательной (выпивка, угощение, гулянье) частями. Вместе с тем не исключено, что первоначально этот обычай имел ритуальный характер и призван был обеспечить хорошую работу ткацких станков (но тогда, почему он не повторялся на Покров — начало зимнего рабочего сезона?). Можно также предположить, что в XVIII — начале XIX в. к замочке машин были приурочены какие-то обряды, совершавшиеся в стенах фабрики, от которых к концу XIX — началу XX в. сохранились только «холостой ход» и «заправка ниток», как правило, следовавшие после торжественного молебна. Основания для такого предположения дают сохранявшиеся на старейших ярославских фабриках вплоть до начала XX в. отдельные отзвуки репродуцирующей магии. В день замочки машин рабочих обязательно одаривали «вином» (мужчин) и семечками (женщин), которым приписывалось магическое значение. По рассказам ярославских ткачих, родившихся во второй половине 1850-х — 1870-е годы, семечки давали якобы для того, «чтобы легко работать... Семя-то вроде как на целый год станок смазывает» [11]. Впрочем, не исключено, что это поздняя интерпретация старого фабричного обычая, перенос традиционных крестьянских воззрений, связанных с аграрной обрядностью, на новые для крестьян производственные обычаи, не имевшие магической подоплеки. Ведь в конечном итоге вино и семечки искони были и традиционным праздничным угощением на Руси.

Бесспорно одно: вопрос о происхождении обычая замочки машин и первоначальном его содержании требует дальнейшего исследования.

Засидки справлялись осенью. Как правило, они были приурочены либо к

* На некоторых фабриках «подачка» рабочим была дифференцированной. Тем, кто занимал привилегированное положение (слесари, подмастерья, смотрители и т. п.), давали по 20 коп. «Одним словом,— как писал корреспондент кинешемской газеты,— кто больше зарабатывает, тому и больше выдают и наоборот...» (*Б. Д.* Анненская м-ра. «Заправка»//Кинешемец. 1 мая 1913).

Семенову дню (1 сентября)*, либо к празднику Рождества Богородицы (8 сентября), совпадавшему с осенним равноденствием, и знаменовали переход на работу при искусственном освещении [12]. До засидок, начиная с Пасхи, работали «без огня — сколько хватит дневного света».

Одно из первых упоминаний о засидках у рабочих встречается в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова. «С первого августа (явная опечатка.— *Н. П.*),— пишет он,— начинаются у рабочих з а с и д к и, или Семенинские вечера. *На этих засидках зажигаются свечи, хозяева угощают рабочих***, и весь вечер проводится в песнях» [13]. В конце XIX — начале XX в. засидки у московских и подмосковных фабричных проходили несколько иначе. В день засидок, «как только темнело и надо было зажигать свет», работа на фабрике прекращалась и всех рабочих «выпускали на волю», т. е. за фабричные ворота. Получив от хозяина, как и во время замочки машин, по гривеннику на человека или определенную сумму «на артель», рабочие отдельными компаниями отправлялись в трактир, где и проводили вечер «за бутылкой, чаем и закуской». Со следующего дня уже начинали работать «с огнем» — свечами, керосиновыми лампами или газовым освещением. С появлением на фабриках электричества засидки прекратились [14]. По утверждению бывшего носовского*** ткача Ф. М. Степанова (1859 года рождения), засидки были «*очень старинным обычаем у всех московских фабричных*» [15].

Перед нами явно отмирающий обычай (ср. даже с данными И. П. Сахарова), к концу XIX в. утративший уже и первоначальный смысл и ритуал. Некоторый свет на него могут пролить имеющиеся в литературе сведения о засидках городских и сельских мастеровых и ремесленников, довольно широко бытовавших не только во второй половине XIX, но даже на рубеже XIX — XX вв. Они дают возможность понять причины обязательного участия в фабричных засидках, правда в конце XIX в. уже скорее символического (деньгами на выпивку и угощение), владельцев фабрик.

У ремесленников и мастеровых разброс дня засидок был несколько бóльшим, чем у фабричных, но и у них он не превышал двух недель. Как правило, засидки справляли в первой декаде сентября (в так называемую Симеонскую неделю — с 1 по 8 сентября), реже 14 сентября (Воздвиженье) или 30 августа (Александров день). Исключение составляли лишь палехские иконописцы, у которых засидки были приурочены к престольному празднику — дню Покрова (1 октября) [16].

В Ярославской губернии, по утверждению А. Торгова, большинство мастеровых (слесари, портные, сапожники и др.) устраивали засидки в Александров день. «Обычай начинать засидки непременно с этого дня,— писал он,— ведется исстари и потому, что св. Александр Невский считается помощником и покровителем всех мастеровых, а также и *по народному поверью, что с 30 августа кончается лето и наступает настоящая осень, дни становятся короче, а ночи длиннее*» [17]. У чеканщиков и серебрянников Займищевской и Трушковской волостей Пошехонского уезда Ярославской губернии засидки бывали в Богородицын день [18]. В тот же день начинались они и у крестьян Тульского и Веневского уездов Тульской губернии, после завершения полевых работ занимавшихся столярным, слесарным, бондарным и другими ремеслами. Но у них засидки, проводившиеся «главным образом в пьянстве и, по большей части, в кабаке», продолжались в течение недели — с 8 по 14 сентября включительно [19]. У мастеровых села Красное Костромской губернии и окружавших его деревень, как и у ремесленников Харькова, засидки были приурочены к Семенову дню [20]. Во многих мелких промышленных заведениях Москвы и Подмосковья (столярных, киотных, токарно-зонтичных, сапожных,

* Здесь и далее все даты в тексте даются по старому стилю.

** Здесь и далее курсив в цитатах мой.— *Н. П.*

*** Суконная мануфактура Носовых, основанная в 1826 г., находилась в Лефортовской части Москвы (на Малой Семеновской улице).

ткацких, бронзовых, портновских, коробочных и др.) засидки, «сопровождающиеся обычно обильным угощением рабочих за счет хозяина», происходили в первой половине сентября [21].

На Юге России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. засидки, «т. е. канун, вслед за которым начинали работать в мастерских при свечах» (здесь этот традиционный обычай называли еще «женитьба свечи»), устраивались преимущественно 14 сентября. В день засидок каждый хозяин считал «своей обязанностью сделать для подмастерьев и учеников пирушку с приличными питиями и яствами» [22].

Судя по источникам, в более отдаленные времена застолью в день засидок предшествовал определенный ритуал (у каждого «цеха», видимо, свой), связанный с зажиганием «нового огня». Рудименты такого ритуала можно обнаружить в описаниях засидок московских портных и столяров и петербургских резчиков по дереву.

В 1860—1870-е годы у московских портных в день засидок ученики с утра «приготовляли убранные на лето лампы — мыли их, протирали зонт от пыли, чистили щетками-ершами стекла». Вечером одна из ламп зажигалась и подвешивалась к потолку (во время работы лампы опускались ниже, к катку); и мастера, и ученики ожидали выхода хозяина. Но сначала им выносили угощение (яблоки, нарезанный ломтями арбуз, хлеб, колбаса, «четвертная» водки), потом появлялся хозяин. Помолившись перед иконой, он выпивал стакан водки и приглашал выпить мастеров. Затем, отсчитав каждому мастеру по 30—40 копеек, а ученикам по пятачку, хозяин уходил на свою половину, где в этот день собирались гости. Застолье продолжалось без него. Допив «четвертную», мастера уходили в трактир, откуда возвращались через 2—3 часа, еле держась на ногах [23]. Несколько иной ритуал описывает Вл. Гиляровский. «У портных „засидки“,— читаем у него,— продолжались два дня. 9 сентября (т. е. на второй день засидок.— *Н. П.*) к семи часам вечера все сидят, ноги калачиком, на верстаках, при зажженной лампе. Еще засветло зажгут и сидят, делая вид, что шьют». Услышав, что приближается хозяин, убавляют в лампе огонь «донельзя». На вопрос хозяина о том, почему так темно, отвечают: «Небось, сами знаете! Лампы-то Ваши...». Чтобы свет горел ярче, хозяин дает им три рубля на «четвертную» и закуску. После этого огонь в лампе прибавляется. Но через час, когда все уже выпито и съедено, портные посылают ученика к главному закройщику и все повторяется по той же схеме [24].

У работавших при свечах столяров ритуал засидок был более развитым. Возможно, он просто лучше сохранился, поскольку у них в течение длительного времени практически не менялся источник света, т. е. ритуальный огонь. В 1870-е годы, как и столетия назад, столяры работали при «открытом огне». Как и портные, они зажигали огонь до прихода хозяина. Только подсвечники в день засидок у них были особые, праздничные, из репы, в середине которой вырезалось отверстие для свечи. Выйдя к мастерам, хозяин по традиции молился перед иконой. Окончив молитву, он угощал работников водкой. Когда был выпит первый стакан, то каплями, оставшимися на его дне, гасили все свечи, кроме одной, с которой кто-либо из мастеров подходил к верстаку и «наскоро делал деревянный подсвечник — это считалось первой работой во время „засидок“» [25] (как получасовая работа ткачей во время замочки машин). Затем снова зажигались все свечи, в стаканы наливалась водка и хозяин «произносил назидательное слово, чтобы мастера успешно работали зиму, себе на пользу и ему, хозяину, не в убыток» [26].

У петербургских резчиков по дереву, работавших при керосиновых лампах, ритуал засидок, правда уже в 1890-е годы, был несколько иным. Но и в нем, на мой взгляд, прослеживаются и первоначальная связь с архаическим культом огня, и характерные для небольших мастерских патриархальные, лишенные отчужденности и противостояния, отношения между хозяином и

работниками. Хозяева начинали готовиться к этому дню загодя, заранее закупая пиво, водку, закуски для мастеров и подмастерьев, пряники и леденцы — для учеников. Последние подготавливали к работе лампы и в день засидок расставляли их перед резчиками. С наступлением темноты все лампы зажигались одновременно. Через минуту их тушили. Затем опять зажигали и все садились за накрытый стол. Начиналась общая трапеза [27].

У многих ремесленников «застолье» по случаю засидок продолжалось 3—4 дня. И когда весь кредит был исчерпан и вся одежда пропита, мастера опять принимались за работу, а хозяин, по словам И. А. Белоусова, «записывал в книжку прогульные дни и при расчете вычитал за них из жалованья» [28]. Не случайно один из авторов дореволюционной «Правды» в заметке о засидках у портных писал, что «хозяева этим угощением и попойками обеспечивали себя (рабочей силой.— *Н. П.*) на весь сезон; а рабочие, благодаря этой подачке, всю зиму работали ночи напролет...» [29].

По всей вероятности, первоначально засидки были приурочены к Семенову дню, до 1700 г. не только провожавшему лето (Семен-летопроводец), но и начинавшему новолетие — новый календарный год *. Возможно, именно с этим связан еще в XIX в. сохранявшийся во многих селениях Московской и Тульской губерний древний обычай под Семенов день тушить огонь в избах (кроме огня в лампадах), а с восходом солнца вздувать «новый огонь» [30]. По свидетельству И. П. Сахарова, в старину в Семенов день «новым огнем», добытым из сухого дерева, не только топили печи в избах и банях, но и зажигали на засидках свечи и лучину [31]. На использование еще в 1870-е годы «нового огня» на засидках, начинавшихся у простонародья с Семенова дня, указывал и И. П. Калинский [32].

Возникнув в крестьянской среде как осенний обряд, сопровождающий начало вечерних работ в избе при огне и связанный с культом огня [33], засидки со временем перешли в город — в среду ремесленников и на фабрики, а возможно, еще на мануфактуры.

Засидки фабричных, на мой взгляд, являются трансформацией старой крестьянско-ремесленной традиции в иной социальной среде и в иных условиях производства. В ремесленных заведениях, как видно из приведенных выше примеров, они способствовали закреплению патриархальных отношений между хозяином и работниками, отношений в той или иной степени существовавших в реальной действительности. На фабриках же осталась лишь иллюзия патриархальности, тщательно поддерживаемая работодателями. Характерно, что и засидки, и близкая к ним по социальной функции замочка машин, к началу XX в. сохранились лишь на отдельных старых фабриках.

Реликты архаических обычаев удерживались в рабочей среде не только в силу традиции, но и потому, что в их сохранении были заинтересованы владельцы предприятий, использовавшие эти пережитки старины в своих интересах. Создавая мелкими подачками видимость отеческой заботы о рабочих (миф о добром хозяине), косвенно способствуя распространению в их среде пьянства, фабриканты тем самым тормозили рост культурного и политического развития рабочих.

* * *

Если замочка машин и засидки к началу XX в. сохранились лишь на отдельных старых ткацких фабриках, да и то в виде рудиментов, то обычай *спрысок* (*могарычей*) вплоть до начала 1920-х годов был неотъемлемым компонентом не только производственного, но и домашнего быта фабрично-заводских рабочих. Впрочем, обычай этот был не менее широко распространен и среди ремесленно-торгового люда, а также крестьян, где он, как известно,

* Лето — синоним слова год.

укоренился в период разложения сельской общины. Но в рабочей среде спрыски приобрели особую окраску и стали выполнять ряд новых функций, изначально им не свойственных. Традиционные спрыски — угощение с выпивкой после завершения какого-нибудь дела, получения или приобретения чего-либо [34] — в рабочей среде превратились в выпивку по самым различным поводам.

«Рабочий спрыскивает всякое новое дело, каждый новый шаг,— писал в 1912 г. один из авторов „Правды".— Копит он деньги на сапоги... экономит на товаре, старается кое-что выторговать, а на обратном пути заходит в трактир — пропустить маленькую. Как же — обновка!... иногда... вместе с маленькой вторые полсапоги пропьет...

Приехал в город на заработки — привальное, уезжает — отвальное. Спрыскивают в одиночку и целыми компаниями.

Особенное зло,— отмечалось в публикации,— представляют спрыски в день получки...

Также спрыскивается поступление на работу и выпуск выучеников. Но *в данном случае спрыски носят более традиционный характер... Участвуют в них целые мастерские*» [35].

Спрыски, связанные с производственной жизнью, а именно они рассматриваются в статье, особенно глубокие корни пустили у слесарей, токарей и других «мастеровых» — преемников традиций ремесленников, а то и выходцев из их среды. Участвовали в спрысках только мужчины *. Устраивали их обычно сразу же после работы. В теплое время года — зачастую где-нибудь «на природе» (на окраине города, фабричного села или заводского поселка, на берегу реки, на опушке леса), а иногда даже у ворот завода («на глазах публики»). В холодное время, как правило,— в ближайшем трактире.

О масштабах этого явления известное представление дает корреспонденция из Иваново-Вознесенска, опубликованная в 1910 г. в газете «Старый владимирец». «На наших фабриках,— сообщалось в ней,— до сих пор существуют такие дикие обычаи, как „спрыски" и „магарычи". *Каждого, поступающего на фабрику, в особенности в среде фабричных „мастеровых", принято „опивать", брать с него „магарыч" и „спрыски" в виде здоровой попойки*» [36].

На некоторых предприятиях спрыски устраивали и в связи с переводом на выше оплачиваемую работу или повышением заработной платы, даже самым незначительным. Так, на одном из шуйских заводов в 1909 г. повышение заработной платы на 5 копеек в день автоматически влекло за собой взыскание в пользу товарищей по труду одного рубля. «И не хочешь, да пьешь...— жаловались рабочие.— Все равно свои же деньги пропадают, да и косо смотрят на тех, кто отказывается от выпивки» [37]. Думается, подобные спрыски — явление вторичное, более позднее. По существу, это узаконенное фабрично-заводским обычным правом вымогательство денег на дармовую выпивку.

Спрыски по случаю поступления на работу в отличие от всех остальных, бытовавших в рабочей среде, в разных промышленных центрах, а порой и у представителей разных отраслей промышленности имели свои особые названия. Так, у текстильщиков Центрального промышленного района наиболее широко бытовали термины *спрыски* и *могарыч* (*могорыч*, *магарыч*); на предприятиях металлообрабатывающей промышленности, на механических заводах, в железнодорожных мастерских Тулы, Воронежа, Сормова, Самары, Царицына, Ростова-на-Дону — *клепка* или *клепать новичка*; на промышленных

* В начале 900-х годов на ткацкой фабрике Т-ва Ивановской мануфактуры («Компания») существовал женский вариант спрысок. По сложившемуся здесь обычаю после завершения двухнедельного обучения «полагалось устроить пиршество» для будущих товарок по труду и сделать подарок своей наставнице (ГИМ ОПИ Ф. 156. Д. 42. Л. 38об. Сообщение бывшей ивановской ткачихи Е. А. Морозовой, 1888 года рождения).

предприятиях Петербурга и Луганска — *привальная* (*привальное*), Твери и Ярославля — *литки*; у тульских самоварщиков — *обмывок* [38]; у наборщиков — *каблук* или *ставить каблук* [39] и т. д. В рабочей среде все эти термины, утратив первоначально присущие им нюансы содержания, воспринимались как синонимы. Среди крестьян, торговцев, ремесленников и прочих представителей простонародья приведенные выше термины, за исключением двух последних, видимо не известных им, бытовали чаще как специальные, хотя в словарях для объяснения содержания некоторых из них в качестве синонимов порой приводятся термины *могарыч* и (реже) *спрыски*, очевидно как понятия более общие или более распространенные. Исторически все эти по-разному звучащие термины фактически означали одно и то же — выпивку с угощением. Различались лишь поводы для нее и стороны, несущие расходы *. *Могарыч*, например, обычно «ставили» при заключении торговой сделки или после ее завершения (за счет того, кто имел барыш), а также после получения места или за оказанную услугу [40]; *клепку* устраивали в связи с повышением в должности, награждением (на деньги «виновника» торжества) [41]; *литки* — по случаю окончания работы, при подрядах, сделках («литки идут с того, кто купил, а могарыч с того, кто продал») [42]. Термин *привальное* как синоним могарыча мне в словарях не встретился. В одном из них указан лишь первоначальный смысл этого термина — пошлина с судов за привал к пристани [43], в другом еще и переносное значение — деньги, выдаваемые «на водку, на чай бурлакам по благополучном прибытии судна» [44]. От бурлаков этот термин в значении «выпивка с угощением», видимо, и попал к рабочим. Небезынтересно отметить, что ни в одном из просмотренных мной словарей (см. примеч. № 40—44) для приведенных выше терминов не указано то значение, в каком они употреблялись в рабочей среде, как не нашли там места и бытовавшие среди самоварщиков и наборщиков термины *обмывок* и *каблук*.

Как правило, спрыски были пропоем первой получки, которую они нередко предваряли. Поэтому деньги на них зачастую брали в долг. Давали их для такого «дела» весьма охотно. В некоторых рабочих коллективах имелись даже особые «старосты по могарычам» из числа старых рабочих, следивших за неукоснительным соблюдением традиции и бравшие на себя заботу о получении ссуды на выпивку и угощение.

В разное время и, видимо, на разных предприятиях существовала своя такса на могарыч. Так, у граверов Иваново-Вознесенска в 1905 г. «на пропой» требовали 3 рубля [45], на заводе Оуфа в Петербурге в 1907 г.— 4 рубля [46], на ткацкой фабрике Т-ва В. И. Белова в Москве в 1912 г. и в паровом отделении Ново-бумаго-прядильной фабрики в Петербурге в 1913 г.— 5 рублей [47] и т. д. и т. п. За соблюдением установленной таксы строго следили, не допуская ее нарушения («ломки»).

Традиционным угощением на спрысках были та же четверть водки, что и во время засидок у ремесленников, иногда еще пиво и изредка вино. Основная закуска — хлеб, огурцы, кислая капуста.

«Опивание» учеников обставлялось более торжественно, чем вновь поступивших рабочих, и напоминало соответствующий ритуал ремесленников. На таких спрысках обязательно произносились напутственные речи ученику, а он благодарил своих учителей за науку. Бывшему ученику здесь впервые разрешалось наравне со всеми пить водку, участвовать в разговорах старших. В этот день, как отмечалось в уже упоминавшейся публикации в «Правде», молодой рабочий получал «благословение на познание всего зла, которым так богата жизнь русского рабочего» [48]. К аналогичному выводу приходишь и читая воспоминания рабочих, начавших трудовую жизнь в конце XIX —

* Поскольку в производственном быту рабочих все эти различия были утрачены, то вполне естественно, что генетически разные термины превратились у них в синонимы.

начале XX в. Многие из них утверждают, что именно спрыски по выходе из ученичества явились первым шагом к более или менее частым выпивкам, а то и к систематическому пьянству.

Отношение рабочих к спрыскам было неоднозначным. Одни, наиболее грамотные и развитые, уже на рубеже XIX—XX вв. считали их «дикими», «дурными» обычаями или «отвратительной привычкой», «злом», с которым «ведется борьба каждым культурным рабочим» [49]. Другие, и они явно составляли большинство, по свидетельству современника, «почитали» спрыски «почти за святыню» [50]. Благодаря такому благоговению перед традиционным обычаем борьба с ним была обречена на неудачу, хотя вопрос об осуждении и даже отмене спрысок в 1905—1906 гг. поднимался на многих митингах и собраниях не только рабочих, но и ремесленников [51]. Дружный отпор «приверженцев старых обычаев и поклонников зеленого змия» встретили и попытки профсоюзов бороться со спрысками [52]. Подобные попытки постоянно предпринимались и отдельными рабочими. Однако редко кому удавалось добиться цели, так как мало кто находил в себе достаточно сил, чтобы долгое время плыть против течения. Одним из таких отважных был П. А. Заломов — прототип героя романа М. Горького «Мать». «Я никогда „клепки“ не давал;— говорил он в своей первой речи перед судом Московской судебной палаты в октябре 1902 г.,— за это меня донимали: бросали в лицо грязные сальные тряпки, мазали сажей, обливали водой: то за ворот, то за сапог, жгли папиросой ладонь. Я не жаловался: считал это унизительным для себя, молчал, залезал под верстак и беззвучно, стиснув зубы, что есть мочи, рыдал *. Когда я подрос, ко мне не стали приставать. Роста я стал большого, ну и оставили меня в покое...» [53].

И на других промышленных предприятиях к строптивцам, пренебрегавшим традиционным обычаем, относились не лучше. Когда в 1905 г. на Луганском патронном заводе вновь поступивший рабочий, с которого вымогали привальное, пожаловался мастеру, что ему не дают работать (отвертывают резец, ослабляют крепление револьверной головки), то в ответ он услышал: «Ничего... сделать не могу. Так заведено. Ты новичок — с тебя и угощение» [54]. В 1907 г. в одной из мастерских Колпинского завода рабочие стали требовать могарыч от двух новичков, более полутора лет бывших безработными. Вновь принятые рабочие, а у одного из них было шестеро, у другого пятеро детей, просили «простить им привальную», так как они еще не заработали денег. На что они услышали: «Если не купите привальной, то и в заводе не будете работать или попадетесь в получку под пьяную руку, тогда не пеняйте». И новичкам ничего не оставалось, как занять денег и «соблюсти обычай» [55]. Аналогичная картина наблюдалась и в Орехово-Зуеве. Там, «если новичок откажется устроить „спрыски“, его,— по словам корреспондента „Владимирской газеты“,— примут очень недружелюбно и не дадут долго жить на фабрике: не мытьем, так катаньем, а доймут» [56]. Случаи подобного рода диктата со стороны наиболее консервативной и наименее развитой части рабочих, для которых выпивка являлась главным, если не единственным развлечением, были отнюдь не единичными.

На некоторых заводах, преимущественно Юга России, существовал обычай до клепки всех новичков звать Тарасами. И лишь после выставленного угощения их начинали называть настоящими именами [57]. В данном случае клепка не только символизировала приобщение рабочего к трудовому коллективу, но и, возвращая ему имя собственное, превращала его из лица «без рода и племени» в полноправного гражданина.

Сходный обычай существовал и у ремесленников. Но у них собственного имени лишались только ученики, сразу же после поступления в мастерскую получавшие индивидуальные прозвища, которые сохранялись за ними на все

* П. Заломову тогда было 15 лет.

время ученичества. Собственное имя возвращалось к ним после спрысок, устраивавшихся «на выходе» из обучения [58].

Можно предположить, что как опивание учеников, так и пропой первой получки имеют ритуальную основу, содержание которой за давностью лет забыто. Но и то, что осталось от древнего ритуала,— совместная трапеза, ее корпоративность, участие в ней представителей одного пола, отсутствие родственников «опиваемых», иногда «переименовывание» последних в ходе застолья или после его окончания, дают, мне кажется, основания рассматривать спрыски по случаю поступления на работу как своеобразный (поздний) эквивалент средневекового обряда социализации личности [59], имеющего некоторые аналогии с инициальными обрядами. Что же касается других видов спрысок, глубоко укоренившихся в повседневном быту рабочих, таких, как «опивание» начала всякого нового дела, новой покупки, каждой получки и пр., объективно способствующих росту и закреплению пьянства в среде рабочих, то здесь, по-моему, мы имеем дело с генетически иным явлением. В данном случае, видимо, следует говорить о своеобразном воспроизводстве и трансформации в фабрично-заводском быту общерусской традиции могарычей (опивания) [60].

* * *

Новым явлением в общественном быту рабочих стали обычаи, рожденные изменениями, произошедшими в их сознании и мировосприятии в последнее двадцатилетие XIX в. Они были вызваны к жизни комплексом причин. Одной из наиболее существенных мне представляется постоянное, начиная с 1870-х годов, повышение уровня грамотности каждого нового поколения рабочих, способствовавшее постепенному расширению духовных запросов преимущественно молодых рабочих и как результат этого — изменению их отношения к окружающему миру, а также пониманию своей роли в обществе. Отсюда — осознание себя личностью, имеющей право на уважение и достойное человека обращение. К сожалению, подавляющее большинство представителей фабрично-заводской администрации, особенно низшей, не заметили метаморфозы, произошедшей на рубеже XIX—XX вв. в сознании известной части рабочих, в первую очередь в крупных промышленных центрах России. В рабочих они по-прежнему видели лишь одушевленный придаток машин и других средств производства, обреченный на жалкое существование и полную зависимость от любых прихотей начальства. Ответной реакцией на «слепоту» администрации стал принимающий различные формы, в том числе и нецивилизованные, все более нарастающий стихийный протест рабочих против начальственного произвола: беспричинных штрафов и всевозможных придирок, рукоприкладства, матерщины, хамства, эксплуатации рабочих в личных целях, скотского отношения к работницам и т. п. Постоянное унижение человеческого достоинства рабочих стало одной из наиболее частых причин возникновения конфликтных ситуаций на производстве. Не случайно среди требований, предъявляемых бастующими, особенно во время первой российской революции, почти повсеместно присутствовал пункт о «безусловно вежливом» или «учтивом обращении» с рабочими со стороны мастеров и служащих, администрации, «фабричного начальства» [61].

С конца 1880-х годов в России все чаще происходят столкновения рабочих с представителями низшей заводской администрации, заканчивающиеся порой самосудом над наиболее ненавистными из них. Провинившегося, чаще всего мастера, подстерегали где-нибудь в глухом месте и, накинув на голову мешок (*чтобы он не увидел обидчиков*) тащили к реке. Там, угрожая расправой, добивались обещания быть добрее к рабочим. Упорствующих, случалось, купали. Иногда — в ледяной воде [62]. Этот обычай, по крайней мере на некоторых предприятиях, сохранялся еще в первое десятилетие XX в., о чем,

в частности, может свидетельствовать монолог одной из иваново-вознесенских прядильщиц, произнесенный в январе 1908 г. на фабрике Зубкова во время забастовки, произошедшей из-за недоброкачественных основ и «деликатного обращения» прядильного мастера, очень «уважавшего бокс». «...в Москве,— сказала она, обращаясь к мастеру,— ...тебя тихонько увезли в крытой карете, у нас, в болоте, поступают не так, берут большой мешок, накрывают, завязывают и опускают в реку, благо она близко» [63].

Иногда мастерам устраивали «темную», а порой, как утверждает один из старых путиловских рабочих, заставляли плясать, приговаривая: «Ты шкуры нашей не щадишь, люди от тебя плачут, так повесели же — попляши!» [64]. Нередко рабочие прибегали к принудительному выводу проштрафившегося начальства с территории предприятия, тем самым давая понять, что то или иное лицо является персоной non grata. Судя по источникам, такой способ расправы с «зарвавшимся» мастером в начале 1900-х годов был достаточно широко распространен. Подтверждением этому может служить опубликованное в начале 1902 г. в «Искре» письмо из Николаева с сообщением о том, что рабочие судостроительного завода «вывели из мастерских мастера, *надевши ему мешок на голову, что вообще практикуется с подобными господами*» [65].

На рубеже XIX—XX вв. появилась еще одна форма коллективного воздействия на притеснителей рабочих — вывоз на тачке (реже — вынос в ящике или на носилках) за ворота предприятия. Как явствует из источников, отдельные случаи вывоза мастеров наблюдались еще в середине 1890-х годов [66]. В начале 1900-х годов, по крайней мере в Петербурге и Москве, этот обычай был уже достаточно «распространенным способом разрешения массового недовольства» рабочих [67]. Однако массовый характер он приобрел лишь в 1905—1907 гг., во время первого открытого противостояния рабочих и предпринимателей [68]. «Способ этот,— писал в 1905 г. П. Тимофеев,— применяется у нас решительно везде: на Урале, в Сибири, на Кавказе, в Северо-Западном крае и во внутренних фабрично-заводских районах России... Расправе с мастером предшествует обыкновенно заговор единомышленников. Они заблаговременно приготовляют тачку и мешок. Мешок нарочно стараются чем-нибудь вымазать: нефтью, сажей, грязью или просто выбирают мешок из-под угля. Выждав момент, когда мастер проходит по мастерской, один или двое рабочих подкрадываются к нему и набрасывают мешок на голову. Затем к ним подходят еще несколько человек и окончательно напяливают мешок на мастера». Сопротивление мастера, как правило, не давало результатов. Но если он просил отпустить его, то рабочие нередко удовлетворяли просьбу, принимая все меры, чтобы «не выдать себя и остаться незамеченными». По утверждению П. Тимофеева, многие мастера после такого урока изменяли свое отношение к рабочим. «Но если мастер очень уж обозлил рабочих, то ему нечего ждать пощады; как только наденут на него мешок, сейчас же подвозят тачку и его, как какой-нибудь груз, сваливают на нее и везут при общем хохоте и свисте. Чаще всего вывозят только за ворота мастерской и оставляют там, покуда чья-нибудь сострадательная рука не развяжет мешка» [69].

Характерно, что к вывозу на тачке как к *«самой радикальной мере для выражения презрения»* [70] рабочие обычно прибегали в тех случаях, когда администрация категорически отказывалась удовлетворить их требования об увольнении мастера или иного представителя «власти», по тем или иным причинам ставшего для рабочих нежелательной личностью. Весьма показательно в этом плане письмо с завода «Гужон», опубликованное в ноябре 1905 г. в «Московской газете». Рабочие, сообщалось в нем, выведенные из терпения самоуправством пятерых мастеров, «которые позволяли себе не только незаконно штрафовать и посылать на унизительные работы рабочих (как-то: таскать дрова к себе на квартиру, выливать помои или женщин мыть полы и стирать белье и тому подобные работы), но и осмеливались даже бить», потребовали их увольнения. Получив отказ, они, «потеряв всякую

надежду, всех тех господ угнетателей вывезли на грязных тачках из завода за ворота» [71].

Единый в своей основе ритуал вывоза на тачке «мусора», как порой называли это действо рабочие, в разных промышленных центрах и даже на разных предприятиях обрастал дополнительными деталями, усиливавшими комизм происходящего [72], а тем самым и эмоциональное воздействие этой формы социального протеста. Как правило, ритуал вывоза/выноса «мусора» обогащался за счет введения в него различных элементов традиционной смеховой культуры и народного (фольклорного) театра русских. Порой он облекался в форму похорон, напоминающих один из эпизодов русской святочной игры в покойника, во второй половине XIX в. нередко превращавшийся в антиклерикальный фарс [73], известный и рабочим. Но в данном случае символические похороны имели иное содержание и назначение. Они как бы подтверждали, узаконивали изгнание из трудового коллектива на вечные времена, поскольку из мира мертвых в мир живых возврата не было. Впрочем, эти «похороны» можно рассматривать и как своеобразный (бессознательный) акт гомеопатической магии сродни обычаю присылать наиболее ненавистным администраторам в день их семейных праздников гроб, оплаченный рабочими [74]. Подобные «проводы покойника» состоялись, например, в феврале 1907 г. в Ярославле. Поводом для них послужили, по утверждению местных газет, «некорректное отношение и всевозможные придирки» [75] мастера свинцово-прокатного отделения Волкушинского свинцово-белильного завода бр. Оловянишниковых Березовского. Как сообщала газета «Ярославские отголоски», 26 февраля мастера «силою удалили» с заводского двора, «устроив это с некоторой торжественностью. Усадив Березовского в ящик, рабочие вымазали его сажей, надели ему на голову куль из-под угля и, вывезя с завода с пением „со святыми упокой“, причем все шли с обнаженными головами, бросили его в снег» [76]. Вышедшему во двор управляющему рабочие так объяснили свои действия: «Он нас хотел по одному вынести * за ворота, так мы его все выносим» [77].

В 1905 г. на Коломенском машиностроительном заводе со всевозможными «юмористическими заупокойными песнопениями» [78] вывозили и выносили мастеров, заведующих мастерскими и табельщиков за ворота, на свалку, а некоторых и на крутой берег, откуда их сбрасывали в реку. Многие рабочие, по утверждению современника, воспринимали все это как своеобразный спектакль. Отсюда, видимо, и иронические обращения к изгоняемым («их благородие», «карета подана»), и «художественное» оформление тачек, на бортах которых рисовали «всякие смешные рожицы» или делали различные надписи **, и разметание дороги перед тачкой, и сопровождение ее «эскортом» подростков, мчавшихся с «гиком» и разбойничьим посвистом [79].

Иногда зарвавшегося мастера прокатывали по всем цехам, как, например, в паровозно-механическом отделе паровозостроительного завода Гартмана в Луганске, где мастера Закопырю («не человек, а гадина») рабочие «вымазали дегтем, посадили на тачку и под свист и хохот прокатили почти по всем цехам для науки другим и вывезли за проходную» [80].

Свои особенности имел вывоз на тачке в Иваново-Вознесенске. Здесь в разгар революции 1905 г. в фабричных корпусах около «Правил внутреннего

---

* В газетных публикациях встречается разнобой в терминах, определяющих действия рабочих. Речь в них идет то о «выносе», то о «вывозе» мастера. Не исключено, что современниками эти термины воспринимались как синонимы, выражающие суть действия — удаление с территории завода. Но если исходить из обращения рабочих к управляющему и показаний самого Березовского, то в данном случае мастера, видимо, все-таки выносили, а не вывозили.

** Одну из них «Жили со грехом — вывезены со смехом — приводит в своих воспоминаниях и в автобиографической повести И. Козлов (см. примеч. 78 и 79. В обоих случаях — с. 196).

распорядка» заранее вывешивались списки «тачечников», охраняемые рабочими. У этих списков, вспоминает гравер Авенир Ноздрин, председатель первого Совета рабочих депутатов, «всегда толпился народ, как около новых расценок, и чего-чего только не прибавляли к характеристике кандидатов на тачку» [81]. В зависимости от степени вины или «смотря по тому... кто ни под какими угрозами не исправляется», тачечников наряжали в рогожный куль, «нафтольный» мешок или в специально сшитый из рогожи костюм [82]. Яркое представление об иваново-вознесенском ритуале вывоза дает стихотворение А. Ноздрина «На тачку»:

Из рогожи сшиты брюки,
Из рогожи сшит пинжак,
Умудрились наши бабы —
На мужьев не шили так.
Подана к конторе тачка,
Одевайсь, садись на ней,
И в корни, и на пристяжке
Тройка целая ткачей.
Экипаж одноколесный,
Колесо его без шин,
Но на свалку тебя, барин,
Мы живехонько домчим [83].

В 1905 г. в Иваново-Вознесенске, как, впрочем, и повсюду, вывоз на тачке превратился, по словам активного участника рабочего движения К. Гандурина, в «какой-то своего рода обряд, определявший отношение рабочих к мастеру или табельщику, дававший ему моральную оценку. Вывозимого на тачке администратора не били, надевали ему на голову куль осторожно, бережно клали в тачку. Казалось, ничто не мешало мастеру-мерзавцу, когда его оставили за воротами, сбросить с себя куль, отряхнуть пыль и вернуться в корпус. Но обычно мастер уходил домой и больше на фабрике не появлялся. *Куль, мешок, тачка воспринимались как убивающая насмерть позорная насмешка, как исключение из среды честных трудовых людей...* вывозили на тачках мастеров обычно в сопровождении чуть не всех рабочих фабрики...» [84].

Следует заметить, что чем больше людей участвовало в вывозе/выносе «мусора», тем более он был театрализован. В Европейской России театрализация наиболее ярко проявилась в «сценарии» действа. Это и символические похороны, и разметание дороги перед тачкой, пародировавшее подобострастную встречу сильных мира сего, превращая вывоз/вынос в буффонаду; и поведение «упряжки» из рабочих, а также песенно-словесное сопровождение тачки (иронические обращения к изгоняемому, остроты в его адрес, сатирические песни, куплеты). Костюмирование же «тачечника» здесь в отличие от Урала встречалось редко, как, впрочем, и нарочитая окраска (гримировка) его лица (сажей, суриком, угольной пылью). Обычно «грим» накладывался непроизвольно, в процессе натягивания на голову грязного мешка, который В. В. Блажес рассматривает как своеобразную пародию на грим [85], что представляется мне известной натяжкой. Судя по имеющимся у меня материалам, изначально мешок выполнял сугубо прагматическую функцию и вряд ли имел отношение к ряжению. «Ослепив» изгоняемого, а еще раньше — «купаемого», мешок скрывал от него мстителей, тем самым спасая их от расплаты за содеянное. Думается, эта функция сохранялась за ним и позже. И именно она была основной. Вместе с тем грязный мешок, как и грязная тачка, несомненно усиливал чувство унижения, испытываемое изгоняемым. Еще больше усугубляло его появление в «декоре» тачки или «гриме» вывозимого дегтя — традиционного символа бесчестия.

Вывоз на тачке — это, прежде всего и главным образом, форма общественного порицания представителей фабрично-заводской администрации, вступавших в непосредственные контакты с рабочими. Но в годы первой российской революции этой мере наказания стали подвергаться и рабочие, поведение которых противоречило сложившимся в их среде этическим нормам или интересам коллектива. Среди «мусора», удаляемого из цехов и мастерских, оказывались и нечистые на руку рабочие, и черносотенцы, и всякого рода «хозяйские наушники», и штрейкбрехеры, а также лица, уличенные или заподозренные в связях с тайной полицией и выдаче своих товарищей. Так,

например, товарищеский суд над шпионами из рабочих, состоявшийся 26 ноября 1905 г. на Путиловском заводе, вынес решение: «всех шпионов с пением и залпами выкатывать из мастерской на тачках». Через день в пушечной мастерской завода одного из шпионов (уже по постановлению ее товарищеского суда) «прокатили на тачке по всей мастерской с пением революционных песен и вывезли за ворота завода» [86]. А на фабрике И. Н. Зимина в с. Дрезне Московской губ. во время забастовок 1905 г. «каждого предателя сажали на вагонетку, давали в руки метлу, обмотанную рванью, и *провозили по всем этажам, чтобы знали их все.* Затем из вагонетки выбрасывали их на улицу» [87]. Подобные случаи в то время были весьма распространенным явлением [88].

В годы реакции, последовавшей за поражением революции 1905 г., вывоз на тачке, видимо, не практиковался. Во всяком случае мне не удалось обнаружить никаких сведений о нем, относящихся к этому периоду, что, впрочем, не удивительно. Ибо даже в 1905 г., когда вся Россия была охвачена забастовками и власти пребывали в известной растерянности, за «тачку» рабочие нередко расплачивались увольнением, правда, зачастую временным, а «зачинщики» подвергались аресту. Но с началом нового подъема рабочего движения этот обычай возродился. Одними из первых о «тачке» вспомнили рабочие ткацкого отделения фабрики Зотова в Костроме. 7 июня 1912 г. они торжественно вывезли на тачках для пряжи трех «союзников» (членов Союза русских рабочих), на которых пало обвинение в доносе на отдельных рабочих, арестованных во время майской забастовки на фабрике [89].

«Тачка» была наиболее действенным средством борьбы против лиц, ставших нежелательными для рабочих, о чем убедительно свидетельствуют как многочисленные сообщения российской прессы начала XX в., так и воспоминания современников. Достаточно сказать, что нередко одна лишь угроза «тачкой» заставляла потенциального «тачечника» срочно покидать не только место работы, но порой и свой дом, а в отдельных случаях — даже переезжать в другой фабрично-заводской поселок или город.

Обычай вывоза на тачке как форма публичного осмеяния, насколько мне известно, не имел прямых аналогов в общественном быту русских. И тем не менее возник он не на пустом месте. Истоки его следует искать в традициях народной смеховой культуры. И не только в «старинном русском обычае изгнания из определенного круга неугодных личностей» и в народном ряженье, на что справедливо указывает В. В. Блажес [90], но и, как мне кажется, в народном (фольклорном) театре, где отрицательный герой «всегда наказывается морально или физически, уничтожается насмешкой, вызывая ликующий смех» [91].

Вывоз на тачке/вынос в ящике проштрафившегося администратора, на мой взгляд, стадиально был завершающим этапом в развитии обычаев, вызванных к жизни стихийной борьбой рабочих против злоупотреблений непосредственных начальников. Обычаи эти эволюционировали от тайной физической расправы со своими недругами («темная», ночное «купанье»), совершаемой узким кругом единомышленников, к публичному моральному воздействию на них, базировавшемуся на принципе «не все бичом да хлыстом, ино можно и свистом» («не все хлы́стом, ино и свистом») [92].

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. рабочие, в течение долгого времени постоянно унижаемые власть имущими, стали платить им той же монетой, действуя по известной формуле «как аукнется, так и откликнется» или «клин клином вышибают».

* * *

Как явствует из приведенного выше материала, «производственные» обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России в конце XIX — начале XX в. различались и стадиально, и генетически, и функционально.

Наиболее ранние из них — «календарные» обычаи ткачей — были связаны

с процессом производства. Остальные — с производственно-личностными отношениями между членами трудового сообщества, обладающими как одним, так и разным социальным статусом (соответственно — спрыски и «темная», вывод за ворота, вынос/вывоз изгоняемого), что и определило их общественное звучание. В конечном итоге и спрыски, и «тачка» способствовали сплочению рабочего коллектива на базе общих интересов. Только сами эти интересы, а также цели объединения рабочих, как и его результаты, в обычаях, возникших в разное время, имели принципиальные различия, отражая состояние умов наиболее активной части рабочих в период формирования и распространения этих обычаев. Если в первом случае (спрыски) объединяющим началом служило общее застолье, то во втором им стала классовая солидарность, проявившаяся в совместных, чаще всего стихийных, выступлениях против общего врага, что, безусловно, свидетельствует об огромных изменениях, произошедших на рубеже XIX—XX вв. в менталитете наиболее активной части русских рабочих, преимущественно молодежи.

Рассмотренные в статье «производственные» обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России, как уже отмечалось ранее, развивались в русле традиционной народной культуры. Создавая их, фабричные и мастеровые, выходцы преимущественно из крестьян и ремесленников, использовали главным образом те ее элементы, которые были наиболее созвучны их быту и характеру деятельности. В то же время и сами рабочие оказывали весьма заметное воздействие (как позитивное, так и негативное) на быт окружающего их сельского и городского населения. Поэтому без учета процессов, развивающихся в быту рабочих, особенно начиная с конца XIX в., когда они заявили о себе в полный голос, нельзя получить достаточно полную, а главное объективную картину общественного быта русского народа как в предоктябрьский, так и в послеоктябрьский период. К сожалению, этнографическое изучение рабочих, не говоря уж о других «не крестьянах», по-прежнему мало привлекает внимание исследователей, особенно молодых. А работы здесь — непочатый край, о чем свидетельствует и данная статья, в который вопросов, пожалуй, больше, чем ответов.

Примечания

[1] *Кругляшова В. П.* Трудовые обряды рабочих горнозаводского Урала по материалам народных рассказов//Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 42—48.

[2] *Блажес В. В.* Обычай публичного осмеяния заводской администрации как форма социального протеста рабочих в конце XIX — начале XX века и его отражение в современных горнозаводских преданиях//Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1986. С. 90—102 (серия: Фольклор Урала).

[3] *Блажес В. В.* Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987. С. 101—130 (Гл. III. Традиции публичного осмеяния в трудовой и социальной деятельности рабочих).

[4] Доклад опубликован на немецком языке: Die Entwicklung der gesellschaftlichen Lebensweise der Industriearbeiter Russlands in letzten Drittel der 19. und zu' Beginn des 20. Jahrhunderts (am Beispiel der Textilarbeiter des Zentralen Industriegebiets)//Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. Bd 15 (Neue Folge. Bd 10). B., 1982. S. 150—158.

[5] *Б. Д.* Анненская м-ра. «Заправка»//Кинешемец. 1 мая 1913. С. 3.

[6] Там же.

[7] Крестный ход на фабрике//Наша северная речь (Ярославль). 28 апр. 1910 (Городская жизнь); Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7952. Оп. 3. Д. 425. Л. 69 (Москва, Прохоровская м-ра).

[8] Иногда рабочие «складывались по фунту сахара и варили брагу»//Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ). Ф. 1478. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12. (Записи М. И. Костровой на Ново-Песцовской хлопчатобумажной фабрике, 1936 г.)

[9] Вичугский фабричный район//Владимирская газета. 19 апр. 1903. См. также: *Сафрон здравомыслящий*. Навологи, Нерехт. у.//Костромская речь. 21 апр. 1906 (По губернии).

[10] Фабричные молебны//Старый владимирец. 3 мая 1912 (Хроника губернии).

[11] ЦГАЛИ. Ф. 1478. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12; Там же. Ф. 1546. Оп. 1. Ед. хр. 42-4. Л. 17;

Ед. хр. 42-12. Л. 13; Ед. хр. 42 (1—21). Л. 165 (Записи М. И. Костровой в Ярославле на фабриках «Красный Перекоп» и «Красный перевал» в 1937—1938 гг.).

[12] В середине XIX в. в Вознесенском посаде Шуйского уезда Владимирской губ. «*вечерние работы в домах и в фабриках*» начинались после Воздвиженья (14 сентября), см.: *Гарелин Я.* Местный народный календарь в Шуйском уезде. Вознесенский посад//Архив РГО. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 2 (1858 г.).

[13] *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 118.

[14] См.: Век нынешний и век минувший. Рассказы рабочих суконной фабрики имени Петра Алексеева/Зап. *Ю. П. Злыгостева*. М., 1937. С. 80; *Евгеньев Ф.* Условия труда и быта рабочих суконной промышленности в дореволюционное время//Шерстяное дело. 1937. № 11. С. 56.

[15] Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее — ГИМ ОПИ). Ф. 426 (Историко-бытовые экспедиции). Ед. хр. 54. Л. 136.

[16] *Зиновьев Н. М.* Искусство Палеха. Л., 1974. С. 23.

[17] *Торгов А.* Засидки (Этнографические заметки)//Северный край (Ярославль). 30 авг. 1900. Небезынтересно отметить, что день св. Александра был днем ремесленников и в Финляндии. И там в этот день впервые после лета в мастерских зажигался свет и начинались вечерние работы, а хозяин выставлял мастерам и подмастерьям угощенье — кофе и водку, см.: *Шлыгина Н. В.* Финны//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 117.

[18] Российский этнографический музей, бывш. ГМЭ народов СССР (далее — РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1789. Л. 7 (*Балов А. В.* 1898 г.). Материал предоставлен мне М. М. Громыко, за что приношу ей искреннюю благодарность.

[19] *Успенский Д. И.* Посиделки (в Тульском и Веневском уездах)//Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1891. № 3—4. С. 230.

[20] Алкоголизм среди детей. С. Красное Костромской губ.//Наша костромская жизнь. 7 сент. 1911; *Сумцов Н.* Культурные переживания//Киевская старина. 1890. № 7. С. 75.

[21] *Лебедев В.* Условия труда и жизни рабочих в мелких промышленных заведениях//Русская мысль. 1905. № 2. Отд. II. С. 155.

[22] *Таранцев А. В.* В мастерской (Из записок русского ремесленника)//Книжки недели. 1885. Июнь. С. 29—30; см. также: *Шейн П.* «Женитьба комина» (Из заметок собирателя)//ЭО. 1898. № 3. С. 157—158.

[23] *Белоусов И. А.* Ушедшая Москва//Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. М., 1964. С. 319—320.

[24] *Гиляровский Вл.* Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1959. С. 254.

[25] В Пошехонском уезде Ярославской губернии во время засидок мастеровые также принимались на несколько минут за работу, чтобы сделать «почин дела», а затем уже весь вечер гуляли и пели (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1789. Л. 7). И в Харькове во время засидок ремесленники, проработав полчаса или час, устраивали пиршество и пели песни (*Сумцов Н.* Указ. раб. С. 75).

[26] *Белоусов И. А.* Указ. раб. С. 320—321.

[27] *Кузнецов Н. А.* Мастеровщина. Из моей жизни. Л., 1927. С. 50—51.

[28] *Белоусов И. А.* Указ. раб. С. 321.

[29] *Портн[ов] С.* Засидки//Правда. 31 авг. 1912.

[30] *Сахаров И. П.* Указ. раб. С. 117; Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. *М. Забылиным*. М., 1880. С. 102; *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. СПб., 1901. С. 458.

[31] *Сахаров И. П.* Указ. раб. С. 117.

[32] *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси//Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 7. СПб., 1877. С. 292.

[33] *Харузина Вера.* К вопросу о почитании огня...//ЭО. 1906. № 3—4. С. 156, 157, 161.

[34] Словарь современного русского литературного языка (далее — ССРЛЯ). Т. 14. М.; Л., 1963. Стб. 596—597; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. С. 300. В словаре Даля приводится только глагол *спрыскивать* в значении «поздравить и выпить, попировать». В качестве примера дан фразеологический оборот «Спрыснуть обнову».

[35] *Одинцов Д.* Спрыски//Правда. 25 авг. 1912. См. также: *Погожев А. В.* Из жизни фабричного люда в столице//Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 23; *Озеров И. Х.* Нужды рабочего класса в России. М., 1906. С. 38; *Самойлов Ф. Н.* Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении. Ч. II. 1906—1911 гг. М.; Л., 1924. С. 22.

[36] Спрыски//Старый владимирец. 5 ноября 1910 (Иваново-Вознесенская жизнь).

[37] Шуя. Обычаи//Старый владимирец. 19 авг. 1909 (По губернии).

[38] *Фролов А.* Пробуждение. Воспоминания рядового рабочего. [Харьков], 1923. Ч. I. Примеч. на с. 73.

[39] Ученический отдел//Наборщик. 1903. № 12. С. 206. В заметке речь идет о новой форме торжественного посвящения в наборщики в типографии Т-ва «Просвещение», «освободившей» ученика от необходимости «ставить пресловутые „каблуки“», к устранению которых, по мнению автора корреспонденции, «давно и давно желательно было бы принять всевозможные меры».

[40] *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. II. М., 1955. С. 288; Этимологический словарь русского языка/Сост. *А. Преображенский*. Т. I. М., 1910—1914. С. 543; ССРЛЯ. Т. 6. М.; Л., 1957. Стб. 468; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырех томах. Т. II. М., 1967. Стб. 635; Словарь русского языка в четырех томах. Т. II. М., 1982. С. 213.

[41] Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977. С. 279, 281.
[42] То же. Вып. 17. Л., 1981. С. 72.
[43] ССРЛЯ. Т. 11. М.; Л., 1961. Стб. 358.
[44] *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. III. М., 1955. С. 401.
[45] *Завьялов К. А.* Моя краткая биография//Ткач. 1923. № 1. С. 54.
[46] Завод Оуфа//Рабочий по металлу. 1907. № 17. С. 12.
[47] Эхо труда//Рабочий день. 21 мая 1912; Ново-бумаго-прядильная фабрика. Привальные//Северная правда. 5 сент. 1913 (Рабочая жизнь).
[48] *Одинцов Д.* Указ. раб.
[49] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900. М., 1955. С. 157. См. также: Обуховский сталелитейный завод. Долой «привальные»//Правда. 5 февр. 1913; *Сибирский Н.* Привальное//Там же. 7 февр. 1913; Типография Мансфельда. Еще о «привальных»//Северная правда. 5 сент. 1913 (Рабочая жизнь).

По свидетельству В. В. Блажеса, на Урале и в 1970—1980-е годы старые рабочие не осуждали спрыски, называемые здесь *крестинами*. Они рассказывали о них «как о должном: так было принято» (*Блажес В. В.* Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. С. 102). Кстати, на этой же странице дана неверная ссылка (примеч. 5) на монографию о рабочих горнозаводского Урала (М., 1971 г.), написанную мною совместно с В. Ю. Крупянской. О могарычах там даже не упоминалось. Я обратилась к их изучению уже в 1970-е годы. Впервые сообщила о них в докладе, прочитанном в ГДР в 1980 г. и опубликованном там же (см. примеч. 4). Приведенная В. В. Блажесом цитата взята из русского текста моего доклада, в котором речь шла о могарычах у текстильщиков Центрального промышленного района России.

[50] *Одинцов Д.* Указ. раб.
[51] См., напр.: Справочник//Московская газета. 20 ноября 1905; *Озеров И. Х.* Указ. раб. С. 38.
[52] *Одинцов Д.* Указ. раб.
[53] Сормово на баррикадах 1905 года. К 30-летию декабрьского вооруженного восстания. [Горький], 1935. С. 75.
[54] *Неверов Т.* Записки о прошлом. [Новосибирск], 1956. С. 11.
[55] *Рабочий.* Колпино//Рабочий по металлу. 1907. № 21. С. 15 (Рабочее движение в Петербурге).
[56] Орехово-Зуево//Владимирская газета. 26 янв. 1906 (По губернии).
[57] *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 33; *Хохлов А.* Дорогой в революцию (Записки старого литейщика). Москва; Саратов, 1933. С. 19, 23, 59.
[58] *Белоусов И. А.* Указ. раб. С. 302.
[59] Ср. обряды социализации украинских ремесленников в статье: *Балушок В. Г.* Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI — середина XVII в.)//Сов. этнография. 1987. № 2. С. 48.
[60] См. о них, напр.: Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. V. Кострома, 1881. С. 4—7, 52; *Малиновский Н.* Из истории возникновения и развития одного фабричного центра//Северный край. 30 ноября 1899; *Шмелева М. Н.* Русские. Историко-этнографический очерк традиционной культуры. М., 1992. С. 171 (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VI. Репринт).
[61] См., напр.: Иваново-Вознесенск//Вечерняя почта (Москва). 18 мая 1905 (Провинция); Шуя//Там же. 27 мая 1905; Фабричный район//Костромич. 4 апр. 1907 (Местный отдел); Из истории революции 1905 года в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931. С. 104; ГАРФ. Ф. 6868. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 7. См. также: *Блажес В. В.* Сатира и юмор... С. 110.
[62] *Волков И. А.* Ситцевое царство. [Иваново-Вознесенск], 1926. Т. 2. С. 12; *Заломов П. А.* Воспоминания. [Горький], 1947. С. 21.
[63] Письмо Д. Таланова А. Н. Рябинину. 28 января 1908 г.//Центральный государственный исторический архив. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 20. Л. 7. См. также: *Петровский Г. И.* Страницы прошлого//1905 год в Донбассе. Из воспоминаний участников первой русской революции. [Сталино], 1955. С. 5.
[64] *Буйко А. М.* На гребне революции (Из воспоминаний путиловца)//Великие, незабываемые дни. Сб. воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970. С. 7.
[65] *Николаев*//Искра. 15 февр. 1902 (Письма с фабрик и заводов).
[66] *Волков И. А.* Указ. раб. С. 12; *его же.* В старом Иванове. Иваново, 1945. С. 85.
[67] *Буйко А. М.* Указ. раб. С. 6; *Блохин А.* Во имя будущего. Воспоминания/ Литерат. запись *В. Наумова.* М., 1971. С. 8; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. ед. хр. 394. Л. 26 (Москва, «Трехгорка»).
[68] См., напр.: Из жизни рабочих//Московская газета. 16 ноября 1905 (Московская хроника); Вывоз «мусора»//Волжский вестник (Казань). 16 дек. 1905 (Из жизни рабочих); *Копяткевич Ал.* Из прошлого Олонецкой организации (1905—1908 гг.)//Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 65; *Косарев И.* Из моих воспоминаний//На ленинском пути (Иваново-Вознесенск). 1925. № 3. С. 9; *Петровский Г. И.* Великие годы//Великие, незабываемые дни... С. 34.
[69] *Тимофеев П.* Указ. раб. С. 98—99.
[70] *М. О. К.* Мытищи//Московская газета. 12 ноября 1905. С. 4.
[71] Письма в редакцию//Московская газета. 20 ноября 1905.
[72] Ср., напр.: *Блажес В. В.* Сатира и юмор... С. 108—114.
[73] *Гусев В. Е.* От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника)//Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 55—57.

[74] См., напр.: *Буйко А. М.* Указ. раб. С. 7.
[75] Среди рабочих//Северный курьер. 17 марта 1907 (Городская хроника); Ярославль//Новь. 11 апр. 1907 (Областной отдел).
[76] Волкушинский завод Оловянишниковых//Ярославские отголоски. 28 февр. 1907 (Городская хроника).
[77] Мастер Березовский и рабочие//Северный курьер. 5 мая 1907 (Городская хроника).
[78] *Козлов И.* Коломенские большевики во главе масс//На баррикадах Москвы. Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1975. С. 196. Об удалении с Коломенского завода «ненавистных мастеров» («иных вывезли на тачке, другие сами убежали») 11 ноября 1905 года сообщала «Московская газета» (Русская жизнь. С. 3).
[79] *Козлов И.* Жизнь в борьбе. М., 1956. С. 196—199.
[80] *Евтушенко В. Е.* Суровый февраль//1905 год в Донбассе... С. 16.
[81] *Ноздрин А. Е.* Воспоминания. Дополнительная часть к «Былому»//ЦГАЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 73. Об активном обсуждении этих списков и наряда «тачечников» пишет и К. Гандурин, см.: *Гандурин К.* Эпизоды подполья (Воспоминания старого большевика). [Москва—Иваново], 1941. С. 68.
[82] *Ноздрин А. Е.* Указ. раб. Л. 70.
[83] Там же. Л. 72.
[84] *Гандурин К.* Указ. раб. С. 68.
[85] *Блажес В. В.* Сатира и юмор... С. 117.
[86] Вывоз «мусора»//Волжский вестник. 16 дек. 1905.
[87] Воспоминания работницы//Голос текстилей. 24 дек. 1925.
[88] См., например: *Обнинский В.* Полгода русской революции. СПб., 1906. Вып. 1. С. 81; Зотовская фабрика//Костромич. 6 дек. 1906 (Местный отдел); Забастовка на заводе «Атлас»//Рабочий по металлу. 1906. № 1. С. 6. См. также: *Блажес В. В.* Сатира и юмор... С. 115. Примеч. 40.
[89] История с доносчиками Зотовской фабрики//Наша костромская жизнь. 9 июня 1912 (Хроника); Кострома//Правда. 23 июня 1912. С. 11 (Стачки в провинции).
[90] *Блажес В. В.* Сатира и юмор... С. 115—118.
[91] *Савушкина Н. И.* Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. С. 118.
[92] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 212.

From the Social Life of Industrial Workers of Central Russia (the Fall of 19th — Early 20th Century)

The customs connected with production and production relations are described in present article. This unknown field of the social life of industrial workers is reconstructed by the author on the base of large skill of sources: newspapers of that time, field data collected during the expeditions of 1930—1950th, memoirs, etc. It is proved that the «production» customs among industrial workers of Central Russia in late 19th — early 20th century differs in stages of development, genesis and functions. The earliest one were the calendar customs of weavers (so called «tucking in machine» and «zasidki») found at the beginning of the 20th century only in rudiment form. These customs deal with the production process and probably are the transformation of old peasant and craftsman tradition under new social and industrial conditions. New customs, appeared and widespread at the break of the centuries were connected with production relations but not processing by itself. Relationships between workers of one social status and of different social status were realized in new customs, first in those one like «mogarytch», or «spryski», or «litki», and second in «bath» and carrying a person from the territory of the factory. Finally, all actions led to uniting of working collective on the base of common interests. But the interests of various social and age groups differed too. In whole, the «production» customs of industrial workers developed in the main stream of folk culture.

N. S. Polishchuk